

Родион Белецкий

ЯРОСТНЫЙ ДЕД МОРОЗ

рассказы

«Дед Мороз резким движением
схватил Колю за грудки
и прижал к стенке:

– Будешь верить в чудо?!»

Родион Белецкий
Яростный Дед Мороз. Рассказы

«Издательские решения»

Белецкий Р.

Яростный Дед Мороз. Рассказы / Р. Белецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980078-7

Сборник юмористических рассказов известного драматурга и поэта Родиона Белецкого, в котором собрана проза за последние пятнадцать лет. Герои рассказов — люди с узнаваемыми характерами. У каждого из них есть своя драма, и они переживают её сильно, пожалуй, даже сильнее, чем драма этого заслуживает. Они все эгоисты, но редко делают зло кому-то ещё, кроме себя. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980078-7

© Белецкий Р.
© Издательские решения

Содержание

ГОЛОД	6
ОБРУЧАЛЬНЫЕ КОЛЬЦА	9
ПОЩЕЧИНА	11
ГАДИНА	12
АКТРИСА	13
БЕЗ ИНТЕРНЕТА	15
В ТРАПЕЗНОЙ	16
САМОЕ ХУДШЕЕ	18
УБИЙЦА	19
ЮМОРИСТ	23
ГЛАВНАЯ ГЕРОИНЯ	26
ПОЖАР	37
КОРОТКАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Яростный Дед Мороз Рассказы

Родион Белецкий

Дизайнер обложки Максим Замыслаев

Подготовка книги Наталья Бондарь

© Родион Белецкий, 2020

© Максим Замыслаев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0078-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОЛОД

Студент Кузмин умирал от голода. Без копейки денег он стоял возле институтской столовой и курил третью сигарету. Ему до слёз было жалко себя. Желудок скрутило от табачного дыма. Выход из положения был один, пойти и украсть тарелку с едой. Стыд бы он переборол, но его могли поймать. Публичного позора он бы не выдержал.

Занять тоже было не у кого. Он и так уже ходил по институту зигзагами, скрываясь от кредиторов.

Кузмин отбросил окурок и вошёл в столовую. Сильно пахло пирожками с капустой. Вдоль стойки тянулась очередь, люди семенили, заполняя и двигая подносы. Когда-то он тоже стоял в этой очереди, а черноволосый парень прямо перед ним взял второе, прошёл мимо кассы, прикрыв тарелку телом, и сел за дальний столик.

Несчастный успел только воткнуть вилку в картофельное пюре, как к нему подскочила кассирша и принялась орать так, что не по себе стало даже тем, кто заплатил за обед, не говоря уже о том бедном парне.

Кузмин вернулся в курилку. Его окликнули. Перед ним стоял его однокурсник, болгарин Бойков. Крупный, сытый человек с остатками чёрных волос на голове.

– Я здесь сценарий написал, – сказал Бойков гордо.

«Какой чудо», – подумал Кузмин, – «Студент сценарного факультета написал сценарий. Да за это надо приз давать!»

– Я его по-русски написал, – продолжал довольный собой Бойков. – Можно я его тебе прочитаю.

– Не, слушай, сейчас некогда,

«Достаточно мне и физических страданий», – подумал Кузмин.

– Ты занят, да? – не отставал Бойков.

– Да. Человека жду.

– Пойдём, пожалуйста. А я тебя угощу потом. И выпьем.

Выбора не было.

– Пошли, – согласился студент Кузмин.

Решили сесть в стеклянной галерее, где разрешено было курить. Впрочем, в институте можно было курить где угодно. Творческий ВУЗ, что и говорить.

– Называется «Птичка», – сообщил Бойков, доставая листок из внутреннего кармана пиджака. – Нравится название?

– Очень, – особенно Кузмину понравилось, что весь сценарий занимал половину страницы. Краткость – сестра таланта.

Бойков надел очки.

– Я начинаю.

– Давай.

– Только будь строгим. Про все ошибки говори.

– Начинай. Всё скажу.

Читал по-русски Бойков хуже, чем говорил. А писал и того хуже.

– Жила-была птичка... – начал он.

«И как это можно снять?» – подумал Кузмин.

– ...была она свободной, и летала, где хотела, – продолжал Бойков, добавляя в голос трагические ноты. – Но не было у неё совершенно «пшениководы».

– Чего не было у птички?

– Пшениководы.

– Дай посмотреть, – Кузмин заглянул в листок. – И что это такое, по-твоему?

– Пшенаводы? Ну, это чем птичка питается. – Бойков говорил абсолютно серьёзно.

– Нет. Пшено – это одно слово. Вода – это другое слово. Два разных слова. И пишутся раздельно.

– Спасибо, друг. – Бойков принялся чиркать в странице. Кузмин почувствовал, что от голода его начинает подташнивать.

– Можно, дальше?

– Давай. Конечно, давай.

Далее по сценарию оказалось, что птичка из-за отсутствия «пшенаводы» совсем потеряла разум, и залетела, сама, по своей воле в золотую клетку. Там её, разумеется, заперли, и она сидела там, как дура. Еды много, а свободы нет. Заканчивался сценарий мудростью: «Не будьте, как птичка».

– Это нельзя снять, – резюмировал Кузмин, когда Бойков закончил чтение.

– Почему?

– Как ты себе это технически представляешь?

– Дрессировщик, птичка... – проговорил Бойков неуверенно.

– И кто это смотреть будет, по-твоему? – голод сообщал словам Кузмина особый вес. – Кому интересно, как тоскливая птичка летает туда-сюда, а голос за кадром просит нас не быть, как она?

Бойков заметно расстроился.

– Ну и что. Я хуже фильмы видел, – только и смог он сказать.

– Не грусти. – Кузмин похлопал однокурсника по плечу. Бойкова было жалко. От огорчения, его нижняя губа совсем закрыла верхнюю. – Короче, дело вот в чём. Ты написал сценарий мультфильма. Подпиши там: «Сценарий мультфильма». И всё встанет на свои места.

– Это ты очень здорово придумал.

– Конечно, здорово. А теперь, пошли есть.

Кузмин поднялся с места. Но Бойков остался на месте.

– Подожди, пожалуйста.

– Ну, что ещё?

Бойков вытащил из кармана толстую пачку исписанных листов.

– Это продолжение. У меня это большой сценарий из киноновелл. Ведь мастер говорил, так можно, правда?

– Правда, – ответил Кузмин упавшим голосом.

– Послушай, пожалуйста.

Кузмин тяжело сел на скамейку. Следующий сценарий мало отличался от предыдущего.

– Жил-был кот, который был очень ленивый, – медленно читал Бойков. – А когда он охотился, он ходил на цыпках...

– На чём он ходил?

– На цыпках. А что, нет такого слова?

Кузмин думал, что выдюжит, но на сценарии «Собачка» он сломался. Неожиданно для себя самого он начал орать на всю галерею. Хуже чем кассирша в столовой. Такое красноречие ни до, ни после его уже не посещало. Невероятная убедительность появилась в словах. Он беспощадно резал правду-матку. Болгарин на протяжении всего монолога сидел, уставившись в сценарий, и не сказал ни слова. Зато Кузмин говорил без остановки. Он говорил, что Бойков понятия не имеет о том, что такое творчество, что нет разницы, на каком языке человек пишет, главное, чтобы у него были способности, только вот у Бойкова способностей нет, и не было, и сценарии его годятся только на то, чтобы растапливать ими буржуйку.

– А что такое «буржуйка»? – неожиданно спросил Бойков.

– Печка это! В печку их! И то они хреново гореть будут, потому что они вообще никуда не годятся! Как можно по ним что-то снять? Как можно было вообще написать эту ересь?!

Кузмин закончил. В галерее стало тихо и тревожно. Пара студентов, сидевшая через две скамейки от них, встала и быстро вышла. Кузмин тоже начал потихоньку пятиться назад, потому что Бойков медленно стал подниматься со своего места, как бегемот из болота, которого дразнили, дразнили глупые охотники, и таки довели.

Мне конец, решил Кузмин без паники, потому что паниковать времени уже не осталось. Большое лицо Бойкова качалось у него перед самыми глазами.

Внезапно болгарин улыбнулся.

Человек, не знавший Бойкова лично мог принять его улыбку за злобный оскал, но это была именно улыбка. Затем Бойков обнял опешившего Кузмина, а после, взяв за плечи, хорошенько встряхнул.

– Спасибо, друг! – Бойков светился радостью.

– За что?

– За правду. Все, все здесь думают, если я за учёбу плачу, мне надо врать. Нет, мне врать не надо. Я плачу, а ты мне правду говори. Ошибки показывай! Вот как надо. Спасибо тебе, друг. Ты мне первый правду сказал!

Бывает странно слышать от некоторых людей, что водку необходимо сопровождать какими-то специальными закусками. Это нонсенс. Водку можно закусывать чем угодно. Так размышлял Кузмин, сидя в кафе «Кинокадр» и отправляя в рот, вслед за стопкой, чудовищный кусок куриной котлеты. Ему было сытно, спокойно и хорошо.

Должно быть, критикам неплохо живётся, подумал он, может, стоит перейти на киноведческий?

ОБРУЧАЛЬНЫЕ КОЛЬЦА

Посвящается Оле.

Они подошли к ювелирному магазину. Вдруг Ярослав остановился.

– Пойдём. Ты чего? – спросила Надя.

Но Ярослав не ответил. Было понятно, никакая сила не заставит его войти внутрь.

– Что с тобой?

– Подожди. Я покурить хочу.

Надя стояла, переминаясь с ноги на ногу, и смотрела, как он вертится на одном месте, стараясь загородить от ветра огонь зажигалки.

– Ты что, меня не любишь?

– Я тебя очень люблю. – Ярослав нервно затаился и выпустил дым. – Просто, мне страшно.

– А мне, думаешь, не страшно? – повысила голос Надя.

– Нет.

– Ну, спасибо тебе.

– А что, ты же в порядке.

– Я тоже нервничаю.

Постояли. Ярослав докурил, но внутрь заходить не торопился. Ситуация была глупая. Они специально ехали в этот магазин через весь город.

– Не хочешь, как хочешь. – Надя повернулась, чтобы уйти.

– Подожди, – сказал Ярослав жалобным голосом. – Давай чуть-чуть ещё постоим.

– Ты же сам жениться хотел.

Ярослав кивнул головой, мол, хотел.

– Ты же сам мне предложение сделал.

Ярослав подумал, да, конечно, предложение он сделал сам. Но она его вынудила. Они сидели у неё в квартире. Он к Наде приставал, Надя делала строгое лицо и убирала его руки.

Тогда Ярослав решил ускорить процесс. Он в очередной раз признался ей в любви. В этот раз с особенной искренностью. Он думал, это подействует, и девушка станет сговорчивей. Но не тут-то было.

– Любишь – женись, – строго сказала Надя.

Повинуясь порыву, Ярослав бухнулся на колени и произнёс:

– Дорогая, выходи за меня замуж.

– Хорошо, – сказала Надя очень серьёзно. – Я подумаю.

Она подумала, и вот они теперь стоят возле магазина, в котором продают обручальные кольца. Слова словами, а деньги потратишь, обратно дороги уже не будет.

– Я в последний раз тебя спрашиваю, ты идёшь?

Ярослав хотел, уже было отказаться. Он даже успел подумать, что сил это сделать у него вполне хватит, но Надя не дала ему открыть рот. Она обняла Ярослава, поцеловала его в щёку. Голос её стал низким и нежным:

– Давай, вот как поступим. Мы сейчас пойдём, и купим кольца. Но это ничего не означает. Мы друг другу ничего не должны. Если захотим, мы сможем их тут же продать. Или обратно сдать. Договорились?

– Если что, сразу продадим, – буркнул Ярослав.

– Сразу же. Обещаю.

Ярослав постоял ещё несколько секунд, разглядывая обледеневший асфальт.

– Ладно. Пойдём.

В магазине Ярослав уставился на витрину с нелепыми золотыми перстнями-печатками. В голове у него гудело. Сильно хотелось плакать. Однако, взглядевшись в своё отражение в витрине, Ярослав с удивлением обнаружил, что он улыбается.

Продавец ювелирных изделий обратился к Наде с вопросом:

– Что вас интересует?

– У нас не очень много денег, – спокойно объяснила продавцу Надя. – Мне обычное обручальное кольцо. Вот, что-то, типа, такого. А ему кольцо тоже обручальное, но можно потоньше. Правда, милый?

– Правда, – кивнул Ярослав, на секунду отвлекшись от золотых перстней.

Затем он стал опять глядеть сквозь стекло, но всё расплывалось него перед глазами, а в висках стучала кровь. В этот момент он ясно понял, что жизнь его кончилась. Кончилась, так и не успев, как следует начаться.

Вдруг Ярослав услышал решительный голос Нади:

– Всё отменяется. Мы ничего покупать не будем!

«Какое счастье, Господи!» – подумал Ярослав. – «Какая радость!». Душа его возликовала.

– Мы ничего покупать здесь не будем, – добавила Надя. – Тут очень дорого. Пойдём, в другой магазин.

Взгляд Ярослава снова потух. Спасения ждать было неоткуда.

ПОЩЕЧИНА

Игорёк, в меру модный парень, ехал на работу в салон телефонной связи и, спускаясь на эскалаторе, получил пощёчину от неизвестного человека.

Незнакомый пожилой мужчина, поднимающийся на соседнем эскалаторе, подловил момент, нагнулся между светильниками и хлопнул Игорька ладонью по щеке. Хлопнул, разогнулся и поехал дальше.

Игорёк в тот самый момент размышлял о том, что лучше купить на лето, плавки или длинные купальные трусы. Преимущество купальных трусов было очевидным. Они и как шорты могут послужить. Под них поддевать ничего не надо. Там сеточка специальная есть.

Получив пощёчину, Игорёк мелко заморгал, и схватился за щёку.

– Эй! – сказал он через какое-то время. Пожилой мужчина к тому времени уже исчез за спинами.

Двумя ступенями ниже ехала влюбленная пара. Они смотрели на Игорька и ждали, как тот будет реагировать. Поэтому Игорек, после небольшой паузы, выругался грязно, как мог. Потом еще и крикнул вслед мужику громко: «Эй ты, сука!» Вышло неубедительно. Влюбленная пара отвернулась. Игорек больше никого не интересовал. Горела щека. Сдерживая слезы, Игорек переступил через «гребенку».

В вагоне посмотрел на свое отражение. Следа на щеке не было.

Днем Игорек работал. У него даже получалось улыбаться. А поздно вечером, выгнав любопытного младшего брата, он заперся на кухне и начал думать. За что? – крутилось у него в голове. Может, за наушники? За серьгу?

Я же не сделал никому ничего плохого!

Ночь уснуть так и не получилось. Игорек посмотрел четыре серии «Игры престолов» и съел весь зефир.

Утром Игорек, поднимаясь вверх на эскалаторе, захотел тоже хлопнуть кого-нибудь по щеке. Но не смог не хватило смелости.

Так что, именно на Игорьке закончился круговорот зла.

ГАДИНА

В кафе усталый, взмокший отец принес детям поднос с завернутыми в бумагу бутербродами и чаем. Дочка, младший ребенок, поторопилась и сразу опрокинула бумажный стаканчик. Чай потек по столу.

– Что ж ты, как гадина! – зашипел на нее отец.

Дочка старалась не смотреть ему в глаза, словно обращались не к ней.

Она разволновалась и, следующим движением, уронила бутерброд на пол. Рассыпался бутерброд, не собрать.

Отец вышел из себя, ущипнул ее пол столом за худую ногу. Ущипнул сильно, до кости, и снова сказал:

– Гадина!

– Гадина, гадина, – повторили набитыми ртами близнецы, сидящие напротив.

Дочка, симпатичная, курносая, взяла короткую паузу и заревела. Широко раскрыв рот, выводя челюсть вперед, сморщив маленький лоб. Со стороны взглянуть, настоящая гадина.

АКТРИСА

1.

Ваня увидел её в телецентре на пробах. Она собиралась курить. Искала зажигалку в сумочке. Зажигалка была найдена. Чёрные, густые волосы откинута назад. На мир смотрело круглое лицо с большими голубыми глазами и ямочкой на подбородке. Говорят, хозяйка такой вот ямочки – это сильная личность, способная добиться своего любым способом.

Ваня вспомнил, что видел её за день до этого в выпускном спектакле ГИТИСа. Тоскливое было зрелище. Она, среди прочих актрис, сидела в платье девятнадцатого века и читала письма Чехова. В отличие от других, она не наигрывала. Подавала себя с достоинством, и переходила от стула к стулу плавной походкой.

И вот теперь в телецентре Ваня не думая подошёл к ней и спросил:

– Это вы в спектакле вчера играли?

– Я – ответила актриса, улыбнувшись.

Через перила перевесилась девушка-ассистентка.

– Сколько вам лет? – бесцеремонно спросила ассистентка актрису.

Ваня заметил, как та на мгновение задумалась, говорить ли при нем свой возраст. В итоге, сказала:

– Двадцать девять.

Ваня оценил её смелость. Выглядела она моложе. Ассистентка увела актрису, которая перед уходом бросила на Ваню многообещающий взгляд. Позже Ваня понял, что взгляды эти актриса раздавала направо и налево. Вообще, если хочешь быть известной актрисой, понял Ваня, тренируй многообещающий взгляд.

Потом Ваня провожал актрису. Он увязался за ней, сел в промерзший троллейбус. На актрисе была короткая шубка и белоснежная шапочка. Ваня молчал. По большому счету, он и не знал, что говорить. Актриса же не закрывала рта. Она зачем-то рассказала, что знакома с пожилым американцем, который дарит ей дорогие подарки, и к которому она ездит в гости, но «они просто друзья». Ваня был озадачен. Потом актриса игривым тоном сообщила, что она замужем, и что муж у нее пишет детские книжки.

Ваня уже тогда подумал, что ухаживать за чужой женой нехорошо, и нужно все бросить и выйти из троллейбуса. Но актриса ласково пригласила Ваню завтра приходиться на репетиции в «Дом Актера». И Ваня обещал.

Он явился на репетицию и сел в темном зрительном зале. Актриса стояла на сцене, окруженная мужчинами: двумя актерами, режиссером и еще каким-то мужиком. Как хоккеист ведет шайбу и поглядывает, кому бы ее отдать, так и актриса поглядывала на окружающих ее мужчин. Ваня в зале извелся. Даже начал грызть ногти, хотя давно уже бросил.

Во время перерыва актриса позвала Ваню в примерку, близко подседа к нему и даже позволила себя поцеловать. Ваня осторожно положил ей руку на грудь. Актриса и это позволила. Тут Ваня решил, что ему можно все, но актриса неожиданно встала и запела. Это была неизвестная Ивану русская народная песня. Ваня слушал сидя, не понимая, что ему делать.

Допев, актриса попросила деньги. Напрямую спросила:

– У тебя деньги есть?

– Есть, – ответил Ваня, покраснел и отдал ей пять рублей.

Закончилась репетиция за полночь. В этот раз актриса тоже разрешила себя проводить. Они ехали вдвоем в промерзшем троллейбусе и актриса показывала Ване, как она умеет говорить детскими голосами. В пустом троллейбусе детские голоса звучали жутковато.

– Я на следующей сойду, – сказала актриса, – А ты можешь не

выходить. Он круг делает и обратно к метро едет.

Ваня согласно кивнул, хотя по его расчетам, вечер должен был закончиться совсем не так.

Троллейбус остановился. Двери со вздохом открылись. Водитель вышел отдавать путевые документы. Актриса порывисто взяла руку Вани и припала к ладони долгим поцелуем.

– Никогда, ни с кем мне не было так хорошо! – сказала она и вышла из троллейбуса, на ходу поправляя белую шапочку.

– Вон, мои окна, – сказала актриса, на секунду обернувшись и после указала не пятый этаж хрущевки.

Троллейбус стоял, мелкий снег залетал в открытые двери, актриса шла к дому, а Ваня смотрел на окна, на которые она ему указала. Ваня живо себе представлял, как там, за розовой занавеской, сидит несчастный детский писатель и пишет детскую книжку. Например, про белочку. Пишет, высунув кончик языка от усердия, и ничего про свою жену не знает.

А потом вернулся водитель и перед тем как двери закрылись в троллейбус вошли контролеры. Ваня тут же вспомнил, что у него нет билета. Контролеры словно бы знали об этом. Набросились на него, начали требовать штраф и пугать. Ваня опоздал бы на метро, не отдай он им последние деньги.

2.

Прошло двадцать лет. Дочка сообщила Ване, что собирается стать актрисой.

– Ни в коем случае, – ответил Ваня.

БЕЗ ИНТЕРНЕТА

Васю лишили Интернета на две недели за скверно написанный ЕГЭ по литературе. Сослали на дачу и отобрали айфон.

Его сестра Нина была лишена айфона на неделю за мелкое бытовой хамство. Её привезли на дачу позже.

Злые как собаки подростки сидели на деревянной веранде и ели клубнику из пластикового таза.

Оба смотрели в окно. Листья в нем, при каждом дуновении ветра, показывали на мгновение, свою светлую сторону. Так себе картинка.

– Видел ролик, лягушки смешно орут? – спросила Нина.

– Ты издеваешься?

– Я просто спросила. Давно выложили.

– Не видел, – сказал Вася трагически, на выдохе.

Залаяла собака. Внутри дачи тихо погудел и замолк холодильник. Наступила тишина от которой обоим стало жутко нехорошо. Заныли уши, лишённые наушников. Нина подвинула свой стул к Васе.

– Оксимирон новый трек...

– Не слышал! – взорвался Вася, – Не слышал я ничего! Хватит! Меня! Мучить!...

– Хочешь напою?

– Не надо! Как можно так ненавидеть своих родных детей?! Наверное, он не наш отец! Только чужой человек может так издеваться! Только чужой!!! За что?!...

Во время последнего выкрика Вася издал небольшого петуха, а после заплакал. Горько, искренне, уронив кудрявую голову на крупные руки.

Нина, послушав, как брат всхлипывает и бормочет, принялась гладить его по волосам.

Чуть позже тихим голосом она стала напевать новый хит Оксимирона. Вася её не оставил.

В ТРАПЕЗНОЙ

Перед постом в трапезной жарили знаменитые рыбные котлеты. Одинаковой формы, румяные их складывали на противень. Основную работу выполняла матушка Марьяна.

Женщина по прозвищу Англичанка была на подхвате. Готовить она не умела, но картошку чистила хорошо.

Храм был небольшой. Принимали пищу там же, где готовили. Эта комната в пристройке и называлась трапезной.

Англичанка изредка подходила к плите, свысока смотрела на то, что делает матушка Марьяна.

– Что, моя милая? – спрашивала Марьяна.

Но Англичанка не достаивала её ответом, поправляла очки и, поджав губы, возвращалась на своё место нарезать хлеб.

Храм восстанавливали в основном добровольцы. Работали они неважно, медленно, но очень гордились тем, что делают это ради веры. Добровольцы носили бороды, громко говорили, и обращались друг к другу не иначе, как «отец», и троекратно целовались при встрече.

Одним из добровольцев был Воскобович – бывший студент-философ из Киева. За свою недолгую жизнь он успел побывать сатанистом, буддистом, свидетелем Иеговы, стойком-любителем и ещё много кем.

Воскобовича привела в церковь сестра. Привела, когда поняла, что у родного брата скоро ум за разум зайдёт. В двадцать пять лет его голова была совершенно седой. Глаза безумными. А то, что творилось в голове, не поддаётся описанию. Всё там смешалось и перепуталось. Простые вещи казались ему невероятно сложными, а сложные – очень простыми.

Воскобович постучал по дверной коробке. Двери в трапезной не было.

– Входи, сыночек, входи, – сказала матушка Марьяна. – Чаю захотел? – опередила она Воскобовича. Тот долго думал, глядя в пол, а потом ответил:

– Да.

– Налей чайку мальчику, – попросила Марьяна. Англичанка, выражая недовольство всей фигурой, занялась приготовлением чая.

Воскобович сел в углу, прижимая к себе стопку книг в твёрдых обложках – жития и письма святых.

– Я книжки взял почитать, – сказал он, глядя в пол.

– Может не надо тебе читать-то, хватит уже? – отозвалась Англичанка. – Не дай Бог, хуже станет.

– Скушай лучше котлетку, сынок, – сказала Марьяна.

– Спасибо. Я не хочу. – Воскобович сказал, а после, с запозданием, отрицательно замотал головой.

Англичанка дала ему чашку чая. Воскобович принял чашку, подержал её в руках, поставил её на пол, и только потом понял, что обжёт ладони. Крепко прижал их к щекам. Стало легче. Щеки были холодные.

Установилась тишина. Англичанка бросила взгляд на бывшего студента. Он так и сидел, прижав ладони к щекам.

Матушка Марьяна стала резать лук. Нож застучал по деревянной доске.

– А вот я не пойму, – начал Воскобович медленно. – Как спасутся те, кто православную веру не исповедует?

Матушка Марьяна высыпала лук в кипящую воду.

– У апостола сказано, невозможное человекам возможно Богу, – сказала она, вытирая фартуком руки. – Но лучше у батюшки спросить. Он тебе на любой вопрос ответит. Хотя я в книге читала, что иноверцам спастись будет сложно.

После этих слов Воскобовичу стало совсем нехорошо. Ему до слёз было жалко бедных людей, которые не смогут спастись. А ещё Воскобович жалел себя, потому что у него нет никакой ясности (даже после долгого разговора с отцом Леонидом), а у этих женщин есть. Всё им в мире понятно до такой степени, что они позволяют себе совершенно расслабиться. Готовить еду, да ещё и напевать себе под нос.

Воскобович несколько раз закрыл глаза, но они всё равно были как – будто открыты. Он уже не понимал, где находится, в трапезной или в каком-то другом месте. Ему было очень больно, потому что никто по-настоящему не понимал, что он чувствует. Никто его не слышал.

Воскобович встал и, ни слова не сказав, вышел. Женщины посмотрели ему вслед. Матушка Марьяна сочувственно, а Англичанка несколько осуждающе. Буквально через несколько секунд за пределами трапезной послышался звон стекла.

– Что это? – у матушки Марьяны округлились глаза.

Англичанка, не говоря ни слова, бросилась в коридор.

Ещё раз глухо бухнуло несколько раз об пол, и посыпались осколки. После установилась тишина. Затем в трапезной появился Воскобович. Он передвигался мелкими шажками и смотрел dolu. За ним шла разгневанная Англичанка.

– Ты зачем банки разбил? – спросила Англичанка грозно.

– Не знаю, – на Воскобовича было жалко смотреть.

– Представляешь, забегаю, а он стоит и так задумчиво банки наши пятилитровые на пол сбрасывает. Аккуратно так, пальчиком.

– Много разбил? – поинтересовалась матушка Марьяна безо всякой паники.

– Да все почти! – Англичанка захотела плюнуть от досады, но вовремя вспомнила, что в храме плевать не принято. Банки под огурцы они с Марьяной собирали уже полгода.

Англичанка покачала головой, и произнесла:

– Принимает больных людей, а потом говорит, что не порядок. – Англичанка говорила об отце Леониде, но имени его не называла. – Парню в больницу надо.

– Подойди сюда, – сказала матушка Марьяна Воскобовичу ласково. – Возьми веник и совок, и пойдёшь всё за собой аккуратно уберёшь. И, главное, не порежешься.

– Ты что, совсем? – возмущению Англичанки не было предела. – Он же вообще не сообщает, что делает.

Недовольная Англичанка сама взяла совок с веником, и отправилась в коридор, подметать осколки.

Воскобович сел на скамейку, взял рыбную котлету и начал есть.

Медленно и неумело, как – будто делал это в первый раз в жизни. Котлета была мягкая и вкусная. Воскобовичу стало немножко легче.

САМОЕ ХУДШЕЕ

Утром случился скандал. На ровном месте. Жена умела лучше выражать свои мысли и загнала мужа в угол. После этого муж пошел и накричал на старшего сына. Даже замахнулся на него. После чего мужу стало стыдно. Жена напрасно взывала к его совести, совесть и так терзала бедного, как дикий зверь.

Продолжили ругаться с неожиданной бодростью.

Дошли до уровня «Ты меня не любишь», и пошли дальше, на неизведанную территорию.

Мужа посетила неожиданная мысль и он тут же высказал ее вслух:

– Почему, почему мне достается самое худшее?

Жена не поняла:

– В смысле?

– Мне достается самое худшее ИЗ ТЕБЯ! Почему? На работе, даже на улице, ты всем показываешь свои лучшие стороны. Смеешься там, стараешься вежливой быть, культурной. А мне?

– А чего я к тебе плохо отношусь? – Жена была явно сбита с толку.

– Мне достается только усталость, твои болезни, твое плохое настроение...

– Неправда! – Жена стремительно теряла уверенность.

– Ты на кислое лицо свое посмотри.

Она, видит Бог, после этих слов не хотела смотреть в зеркало, но посмотрела.

Помимо воли. Ну, не кислое. Но кисловатое.

Надо было отбиваться, даже наступать. Но её покинули силы. Она легла на двуспальную кровать и пролежала в ней одна до вечера. Благо, был выходной.

Муж пришел вечером, после бассейна. Лег рядом и приобнял ее. От него немножко пахло хлоркой.

УБИЙЦА

Непонятно, почему в мире так устроено. Старший брат почти всегда умён и успешен, а младший брат, как правило, недотёпа.

Старший брат Гена жил в центре в старой квартире и только что купил новую стиральную машину. Младший брат Митя приехал забирать старую машину «Вятку». И тут тоже сказалась его непрактичность. Вместо того, чтобы отвезти её к себе, он решил отдать машину в церковь. Гена не возражал, только это было как-то странно.

Митя появился в компании с одним православным из общины при церкви. Православный был небольшого росточка, суетливый, бородатый, на каждой щеке он имел по глубокой морщине, которые были заметны даже тогда, когда лицо его оставалось спокойным.

– Это Виталий, – представил православного Митя.

– Очень приятно, – пробормотал Гена. Он не любил, когда чужие люди приходили в дом.

– Где она?

– Там на кухне. Я её отключил, и немного выдвинул, как сил хватило.

– А она, простите, работает? – спросил бородатый Виталий.

– Работала, по крайней мере. – Гене этот вопрос показался бестактным. Дают тебе бесплатно машину, бери, и нечего разговаривать.

Младший брат со своим приятелем прошли на кухню. Пыхтели, напрягались, через десять минут выволокли машину в прихожую. Сами при этом раскраснелись, вспотели и повеселели.

Гена собрался открыть вторую створку входной двери, чтобы машина прошла, а Митя сказал:

– Погоди. Я спущусь, посмотрю, грузовик на месте.

Проходя мимо старшего брата, Митя сказал ему негромко:

– А знаешь, кто это? – Митя кивнул на бородатого Виталия, который с интересом разглядывал корешки книг.

– Нет.

– Он убийца. За убийство восемь лет отсидел. Ты не бойся, он сейчас исправился. Воцерковился. Праведную жизнь ведёт.

– А я и не боюсь, – зло прошептал Гена. – Ты зачем его сюда привёл?

– А что такое?

– Ничего. Ты бы, блин, кого похуже сюда притащил. – Тут Гена сообразил, что похуже, пожалуй, и некого.

Митя ответил со своей обычной раздражающей беззаботностью:

– Не парься, я сейчас вернусь.

И ушёл. И оставил его одного. Наедине с убийцей.

– Читать любите? – спросил Виталий, обернувшись.

Простой вопрос поставил Гену в тупик. Он долго думал, прежде чем ответить.

– Люблю, – в итоге выдавил он из себя.

– И я люблю, – улыбнулся Виталий. – Только я больше литературу историческую. А вы историческую, я смотрю, что-то не очень...

– Тоже люблю, – поспешил ответить Гена. Не стоило перечить такому человеку.

– Я раньше на гитаре играл, – продолжал убийца. – А теперь перестал. Как начинаю играть, вся духовность куда-то пропадает. Понимаете?

– Ага, – Гена чувствовал некоторую слабость. Виталий, тем временем, приблизился к нему вплотную. Ходил он на слегка согнутых коленях, пружинил, широко расставляя носки в сторону.

– Хозяин, – сказал он Гене. – Может чайку?

– У меня есть мармелад, – быстро проговорил Гена, отводя глаза в сторону. Взгляд у душегуба был неестественный, пристальный, но зрачки его при этом еле заметно двигались из стороны в сторону. Митя вернётся, убью, подумал Гена. Если, конечно, сам останусь в живых.

Пришли на кухню. Гена случайно облился водой, наливая её в чайник. Сели с кружками друг напротив друга. Как ни крути, иначе сесть не получалось. Всё свободное место заняла новая стиральная машина. Она стояла в центре кухни, и теперь уже не радовала, а раздражала хозяина.

– Вы, знаете, сейчас люди говорят, что очень много указаний на близкий конец света. Вы об этом что думаете?

Конец света до сего дня интересовал Гену гораздо меньше, чем уроды, которые ломают калитку у него во дворе, однако, отвечать надо было быстро и складно, потому что Виталий взял со стола нож, чтобы намазать масло на печенье «Юбилейное».

– Вы знаете, я об этом не задумывался. – Гена попытался по-детски, беззащитно улыбнуться. Кажется, у него неплохо получилось.

– Правильно, – Виталий нахмурил брови и стал серьёзным. – Потому что написано, что о дне, об этом, и часе никто из нас не может знать.

Гене стало легче. Они начали находить общий язык. Может быть, всё и обойдётся.

– А вы где работаете, если не секрет, – Виталий уставился на Гену. Под тяжёлым взглядом хозяину стиральной машины снова стало не по себе.

– Бизнесом занимаюсь.

Виталий вдруг улыбнулся.

– Бизнес – это дело хорошее, – сказал он, и добавил. – А можно мне блюдечко? Я из блюдца пить привык. По-старинному.

– Конечно.

Гена обрадовался, что можно чем-то заняться. Резво встал, подошёл к полке. Долго искал блюдце. А когда повернулся, обнаружил, что Виталий заснул. Это было так странно и неожиданно, а главное нелогично, что Гена замер с блюдцем в руке в неестественной позе, не зная, что дальше делать. Стоял и разглядывал убийцу. Спал тот вполне по-детски, с полукрытым ртом, с серьёзным выражением лица. Брови убийцы топорщились.

Гена мысленно обозвал своего младшего брата «сволочью», и на цыпочках вышел из кухни.

В прихожей, возле книжных полок Гена смог свободно вздохнуть. Привычная злость на Митю заняла своё привычное место. Где-то в области диафрагмы появилась тяжесть. Как правило, кроме злости и раздражения никаких других сильных чувств он к младшему брату не испытывал. Можно сказать, что Гена даже ждал, что брат сделает что-нибудь не так, ошибётся, скажет нелепость. Тогда для Гены всё вставало на свои места.

Ему было три года, когда мать принесла Митю из роддома. В тот момент Гена, под руководством деда смазывал мазью крохотные лыжи.

– Кто это? – спросил он у матери.

– Это твой братик, – мать улыбнулась несколько виноватой улыбкой. – Будешь с ним играть.

– Отнеси его обратно. Он мне не нужен, – заявил Гена. – Мне, вон, дедушка лыжи подарил.

А потом вышло так, что Гена стал для Мити не только старшим братом, но и чем-то вроде отца, потому что отца у них не было. И самого детства смотрел на Митю не как на человека, а как на воспитанника. И хотя роль наставника Гена с самого детства считал лишней нагрузкой, отказаться от неё он был не в силах. Потому что не знал, как это сделать, да и мать его хвалила,

когда он строил из себя взрослого. Но похвалы похвалами, а раздражение никуда не пропадало. И с годами превратилось во что-то вроде хронической болезни. При виде Мити, выражение лица у Гены становилось неприятным, кислым и недовольным.

А в настоящий момент Гена и вовсе был в ярости. Убийца спал на кухне, а Гена сидел в прихожей на старой стиральной машине с блюдцем в руках, зубы его были крепко сжаты, а губами он проговаривал все известные ему матерные слова. Помимо всех своих грехов, Митя задвинул стиральной машиной вход в единственную комнату, так что хозяину квартиры вообще некуда было деться.

Митя вошёл в квартиру неожиданно.

– Ты чего здесь сидишь? – спросил он громко.

– Тише ты! – прошипел Гена.

Митя перешёл на шепот:

– Что случилось?

– Твой друг заснул, – ответил Гена. Содержание сарказма в его голосе превосходило все допустимые нормы.

– А чего ты его не разбудишь? – задал Митя резонный вопрос. Это окончательно вывело Гену из себя. Он спрыгнул со стиральной машины, и стал наступать на Митю, выдвинув подбородок вперёд.

– А зачем ты его сюда приволок вообще? – о сохранении тишины Гена не забывал. Говорил шепотом.

– Он мне помогает. Ты чего имеешь против?

Человек всегда чувствует, когда ему стоит закрыть рот и промолчать. Он прекрасно понимает, что слова его всё испортят. Но он всё равно продолжает говорить, словно желая проверить, а действительно ли всё будет так нехорошо, как он предполагал, или ещё хуже.

– Что я имею против? А против я имею вот что, – Гена уже ничего не могло остановить. – Нечего ко мне в дом всяких уродов таскать. Ясно!?

– Ясно, – согласился Митя. Он всегда со всем соглашался, лишь бы от него отстали, но Гену это не устраивало:

– Ты достал меня своей простотой! Надоели твои приколы! Я тебя видеть уже не могу!

Митя слушал брата с полуулыбкой, смотря куда-то поверх Гениной головы. Казалось, ему всё было нипочём. Тогда Гена поднажал:

– Ты сколько в церковь свою не ходи, один хрен, недоделком останешься, ясно тебе? Ты, прежде чем душу спасать, подумай, как твоим близким с тобой приходится! Богомолец, блин!

В этот момент Гена понял, что Митя сейчас даст ему в челюсть, но брат повёл себя неожиданно. Он молча повернулся, и зашагал прочь.

– Подожди. Подожди!

Но Митя не остановился. Он ушёл, а Гена остался. Догонять брата не стал. Постоял, слушая звук уезжающего лифта, затем громко, в голос, выругался и захлопнул входную дверь.

– А я ещё очень люблю про секты читать, – сказали сзади.

Гена сильно вздрогнул и выронил блюдце из рук. Оно упало, но не разбилось. Гена повернулся. Перед ним стоял Виталий, руки по швам, хитро щурился, словно хотел сказать что-то важное, но не говорил только лишь потому, что надеялся, что Гена сам всё поймёт.

– У вас нет такой книги? Про мормонов или про молокан? – добавил Виталий совсем уже каверзным тоном.

Тут Гена не выдержал:

– Вам чего здесь надо, а?! – взорвался он. – Машину стиральную? Я её не отдаю, ясно? Так что, до свидания, ясно или не ясно?

– Ясно, – сказал Виталий весело. – Спасибо за чай. Простите, если что не так.

Уходя, Виталий аккуратно прикрыл за собой входную дверь, а перед этим вполне серьёзно поклонился хозяину.

В квартире стало тихо и пусто.

Чувствовал себя Гена отвратительно. Появилась неоправданная слабость, как после болезни, и ещё что-то. Это был даже не стыд, а признание того, что всё бессмысленно в его жизни, и понимание, что именно в таком состоянии, человек и решается на убийство или на что-то в этом роде, потому что терять ему уже нечего.

Гена вернулся на кухню и сел на табурет, на котором умудрился заснуть Виталий. Каждое движение давалось ему с трудом. Он протянул руку и взял со стола рулон серебряной фольги. Отрывая от неё небольшие кусочки, Гена принялся сворачивать из фольги тонкие трубочки. Была у него такая дурная привычка.

ЮМОРИСТ

Если Юморист случайно встречал знакомого на улице, он говорил:

– Привет. Я давно за тобой слежу.

Знакомый хмурился:

– В смысле?

– Я за тобой давно слежу, – повторял Юморист. – От самого сексшоп.

Чаще всего знакомый не понимал шутки. И Юморист пускался в объяснения.

– Я за тобой от самого сексшоп иду. Ты там, наверное, покупал что-то.

– Нет, – отвечал знакомый, – Я там ничего не покупал.

Юморист растолковывал, почему он выдумал сексшоп, и почему это всё весело. Беседа при этом окончательно теряла смысл, и знакомый спешил уйти.

Женщин Юморист радовал другой шуткой. Наскакивал и говорил задорным голосом:

– Журнал «Лиза» рекомендует; Середина зимы, время стирать пуховик!

Почему-то он считал, что это смешно. Женщины были обратного мнения и вероятно, поэтому не торопились остаться у Юмориста на ночь.

Когда в гостях Юморист видел маленькую девочку, он всегда говорил родителям ребёнка:

– Симпатичный у вас мальчик.

Родители поправляли, это девочка. А Юморист смеялся и говорил, что он понял, что это девочка, но специально назвал её мальчиком, «для смеха».

Родители переглядывались и отходили в сторону вместе с ребёнком.

Случалось и так, что в гостях (куда Юмориста звал всё реже и реже) он с хитрым лицом спрашивал:

– Хорошо я выгляжу, хорошо?

Спрашивал несколько раз подряд. И когда ему отвечали, да, ты выглядишь хорошо, он ещё больше расцветал и говорил:

– Третий завтрак – вот секрет моей красоты.

Даже пьяные не смеялись этой шутке.

У Юмориста были высокие, худые и грустные родители. Они работали в медцентре. Работали давно. Папа был завотделением. Мама трудилась там же на полставки. Родители Юмориста очень любили сына. Шуток его они тоже не понимали. Они просто очень любили сына и пропускали его речи мимо ушей. Любовь родителей-медиков была грустная и тихая.

Когда Юморист поступил в медицинский институт, он переключился на шутки про врачей. Однокурсники, вместо приветствия, сразу говорили Юмористу:

– Знаю!

И он даже не успевал сказать:

– Знаешь, новый анекдот?

В институте Юморист влюбился. Девушку звали Катя. Когда она надевала белый халат, Юморист просто глаз не мог от неё отвести. Такая она в халате была взрослая, неприступная. Казалось, она становилась выше ростом. А когда она улыбалась, будто в темном помещении включали свет.

Никогда в жизни бы Юморист не решился познакомиться с Катей. Но случай помог. Они оба перепутали станции, и приехали вместо Электрозаводской на Автозаводскую. Бывает же такое!

Встретились в центре зала с пакетами, в которых лежали халаты и конспекты. Юморист сказал:

– Привет от старых штиблет.

Катя улыбнулась:

– Как тебя зовут?

У Юмориста пропало желание шутить:

– Паша.

– Я – Катя.

– Я знаю.

Юморист бережно пожал прохладную, маленькую руку.

– Нам к какому выходу?

– У меня записано, – заторопился Паша, и достал мятую бумажку из кармана. Нашел название «Электрозаводская».

– Как глупо, – сказала Катя, – Мы все перепутали. Придется отрабатывать.

Она расстроилась. Отрабатывать в анатомичке – приятного мало. Паша, наоборот, почувствовал такой подъем сил, словно вдохнул весь воздух на станции.

Он хотел ответить Кате шуткой, но, неожиданно для себя, начал утешать ее, успокаивать, говорить, что анатомичка – это не страшно. К трупу будет бегать он один, а она подождет на нейтральной территории, он прибежит, перескажет что там у трупа как, и они вместе сдадут зачет. И хотя он не думал шутить, Катя улыбнулась, расцвела.

И начался период невероятного счастья. Паша опекал Катю не зная меры. Провожал, занимал места на лекциях, дарил букеты и кормил при каждом удобном случае. Однажды он сорвался в час ночи, пересек весь город и привез Кате пальчиковые батарейки для электронного будильника.

Они гуляли. Он говорил ей о своем нелепом, нерадостном детстве. Был серьезен, рассказывая случаи, когда на даче он ногой наступил в кастрюлю с горячим малиновым вареньем. А Катя смеялась.

– Ты не понимаешь, я очень сильно обжегся! Были волдыри...

Катя смеялась еще громче. Но Паша не обижался. А ведь раньше он был ужас, какой обидчивый.

Приближался день рождения и Паша начал мучиться. Он хотел позвать к себе в гости Катю, и не знал, как бы половчее отказать Крапанько.

Крапанько, одноклассник Паши, легко открывал глазом бутылки, постоянно пил пиво и был постоянным и единственным гостем на Пашиных днях рождениях. Обычно они сидели с Крапанько на кухне. Молчали. Пили, а после шли посмотреть КВН на компьютере. Крапанько сразу засыпал в кресле, а Паша смотрел мутными глазами в мерцающий экран и студенты, шутившие со сцены, под смех большого зала, казались ему самыми счастливыми людьми на земле.

Паша набрал номер Крапанько.

– ...Я... это... не буду справлять.

– А че?

– Заболел, – сказал Паша.

Неожиданно Крапанько сказал:

– Ты чего с Катей своей отмечать будешь?

Пашу словно ошпарило, он покраснел и часто задышал в трубку:

– Да я не знаю... – начал он, не в силах сказать правду.

– Я не обижаюсь, – сказал Крапанько, – Я же понимаю...

Паша сначала не понял, откуда Крапанько знает, но затем вспомнил, что он повсюду, всем и каждому рассказывает теперь про Катю. Хвастает, что у него есть такая девушка.

Крапанько не обиделся. Он был отличным парнем.

Катя решила подарить Паше смешного зайца. Когда он открыл дверь, Катя вручила ему зайца со словами:

– Это ты.

Паша взял зайца, не глядя. Хотя, если взглядеться, у них с зайцем было что-то общее. Например, длинное тело и поздно начинающиеся ноги. Катя чуть обиделась, потому что Паша не стал восхищаться подарком, но вида не подала.

Мама приготовила утку. Папа купил торт и оба они ушли смотреть фильм Альмадовара про сбрендившего пластического хирурга.

Паша молил Бога, чтобы шампанское не вылилось, пробка не отскочила Кате в глаз, и все прошло хорошо. Молитвы были услышаны. Они выпили и чуть расслабились. Смотрели друг на друга через круглый стол. Паша мокрыми руками жевал край скатерти. Катя улыбалась и поправляла волосы.

Утку решили не трогать. Бока ее блестели, как натертый паркет. Птица была большой и неприступной. Решили съесть торт. Паша принялся резать его на квадратные куски, а Катя извинилась и вышла из-за стола. Паша прислушался. Она пошла в туалет.

Юморист решил пошутить. Он подступил в двери и встал спиной к стене, совсем рядом с дверным проемом. Так, чтобы его не было видно. Катя долго не выходила. Из туалета отправилась в ванную, помыла руки. Аккуратно выключила везде свет.

Юморист слышал приближающиеся шаги. Когда Катя подошла к двери, он выскочил прямо перед ее носом с громким ревом:

– Ры-ы-ы!!!

Катя охнула, чуть присела, зажав рот левой, а потом, без промедления, правой рукой ударила Юмориста по лицу. Удар получился хлесткий, мощный. Кольцо, надетое камнем внутрь, рассекло кожу.

Катя, не слушая извинений, помогла остановить кровь, и ушла.

Позже отец хладнокровно осмотрел разбитый глаз:

– Зрачок цел, – сказал он.

Мама принесла перекись. Жизнь продолжалась.

Катя отказалась разговаривать с Юмористом. Хотя он неделю ходил за ней и ныл: «прости». Она перешла в другую группу на другой поток, и Юморист потерял ее из вида. Вскоре после удара ему прописали очки.

Окончив институт, Юморист совсем перестал шутить. Он стал психологом и говорил пациентам:

– Сами того не заметив, вы сказали одну очень интересную мысль!..

Может быть, вы уже записались к нему на прием.

ГЛАВНАЯ ГЕРОИНЯ

Пахло от завлита старой дачей. Передвигалась она по коридорам театра боком и голову наклоняла при разговоре, как динозавр в фильме «Парк Юрского Периода».

К её мнению никто не прислушивался. Тем более, говорила Людмила Алексеевна тихо, без желания быть понятой. Она поддакивала главному режиссёру, кивала, записывала за ним всякие глупости, и была единственным человеком в театре, который никому не мешал.

Случилось так, что главный режиссёр взялся ставить пьесу для молодёжи. Людям вокруг было всё равно. Но Людмила Алексеевна неожиданно выступила против. Она вошла в кабинет главного с экземпляром пьесы и встала возле двери, наклонив голову набок.

– Прочитали? – спросил главный.

– Да, – ответила Людмила Алексеевна.

– Напишите анонс в газету, что готовится к постановке, и так далее, ну вы знаете.

Разговор был, в общем-то, окончен. Но Людмила Алексеевна не уходила.

– Вы хотите это ставить? – спросила она неровным голосом.

– М-м, да. Хочу, – Главный, которому Людмила Алексеевна досталась по наследству от предыдущего режиссёра, первый раз в жизни внимательно посмотрел на завлиту. – А что?

– Это очень плохая пьеса.

– Правда? Почему? – режиссёр уселся в кресле удобнее.

У Людмилы Алексеевны участилось дыхание. Так много захотелось ей сказать:

– Она написана безграмотным человеком. И язык, и образы. Нет ничего светлого в ней. Она банальная, с надрывом, но надрыв этот нехороший, искусственный...

Главный позволил Людмиле Алексеевне высказаться. Пока она говорила, думал, как поставить её на место. Решил обойтись без жёсткости. Как дипломат. Он мягко улыбнулся и произнёс:

– Полностью разделяю ваше мнение, – он считал себя невысказанным знатоком человеческих душ. – Но пьесу эту буду ставить, только, чтобы привлечь молодёжь. А вы ведь знаете вкусы нынешней молодёжи.

Людмила Алексеевна мелко закивала, потопталась на месте и покинула помещение.

В комнате с табличкой «завлит» всегда было душно. Форточка была забита гвоздями ещё две зимы назад. Дверь Людмила Алексеевна тоже запирала. Дверь открывалась наружу. Она мешала художнику. Заносчивый и вечно недовольный он вместе с монтировщиками, таскал декорации по коридору. Декорации походили на здоровенных роботов-трансформеров, такие же сложные и бессмысленные.

Диванчик в комнате завлита был завален пьесами, пришедшими самотёком. Экземпляры были толстые, с обязательным авторским примечанием, «...желательно, чтобы постановка была осуществлена хорошим, опытным режиссёром...». Людмила Алексеевна запиралась в комнате и аккуратно ела варенье.

Через два месяца после того разговора с Главным у неё на столе зазвонил телефон. Это было обычным явлением. Люди, звонившие в кассу, всегда ошибались номером. Но в этот раз ошибки не было. Секретарь Главного сообщила, что молодой драматург приехал, и сейчас поднимается к ней, но поднимается медленно, потому что поскользнулся на льду возле служебного входа и сильно ударился локтем.

– Почему ко мне?

– Ну, вы же завлит.

Слушая гудки в трубке, Людмила Алексеевна впервые захотела поменять профессию. Её охватила паника. Это был первый живой драматург в её жизни. Она сняла платок со спинки

стула и захотела убрать его в холодильник. Подумала и убрала, потому что холодильник всё равно не работал.

Драматург Миша оказался не страшным. У него были розовые щёчки, короткая стрижка и привычка незаметно грызть ногти. Он удивлялся и радовался всему на свете. Это была его первая премьера, и глаза его были распахнуты так широко, что казалось, он хочет запомнить, а потом и записать всё, что случится вокруг.

На поясе в чехолчике драматург носил фотокамеру размером с сигаретную пачку.

С Людмилой Алексеевной он вёл себя подчёркнуто вежливо, и не понравился ей с самого начала.

– Хотите посмотреть декорацию? – спросила она.

– Да, – согласился драматург, – и тут же передумал, – Нет. Пусть это будет сюрпризом. – Миша виновато улыбнулся. – Я лучше вместе со зрителями увижу, когда занавес откроется.

Людмиле Алексеевне это тоже не понравилось.

– В вашем... в нашем спектакле занавес отсутствует, – сказала она холодно.

– Пусть. Я всё равно, потом посмотрю.

– Вы можете пообедать в нашем буфете. Бесплатно, – подчеркнула она.

Но Миша опять отказался. Он, видите ли, не был голоден.

– Хочу погулять по вашему замечательному городу. Я так редко куда-нибудь выезжаю.

Вряд ли он считал их город замечательным. Она прекрасно знала этих москвичей. Её бывший муж был москвичом.

– Советую вам посетить Дом Музей Иванова, – сказала она тоном учительницы.

Наверняка он даже не знает, кто это такой.

– А кто это, Иванов? – спросил молодой драматург, улыбаясь.

Позор, а ещё театральный деятель.

– Это великий артист. Современники сравнивали его с Качаловым!

– В чью пользу?

– Странная у вас манера шутить.

– Какая есть.

Хамское поколение, подумала Людмила Алексеевна.

Драматург отправился осматривать город, а завлит закрылась в своём кабинете, и снова пробежала глазами по тексту пьесы. Без всякого сомнения, это была глупость и пошлость. Любовь молодых людей, сплошной сленг, истерики, а после смерть девушки. И называлась пьеса глупее некуда: «Сердце на роликах». На каких роликах?

Людмила Алексеевна направилась в зрительный зал. Она любила свой театр и гордилась им. Он был словно игрушечка. Как Большой театр в Москве, только во много раз меньше. Уютная сцена, крохотные, бархатные ложи, блестящие номерки на подлокотниках, крашенные белой краской, приятные на ощупь деревянные панели. Тяжёлый занавес, который зрителям всегда хотелось потрогать и люстра, похожая на торт. В зале всегда было прохладно и таинственно. Здесь даже самых отъявленных циников посещало предчувствие чуда.

Она хотела сесть на своё обычное место. Если смотреть на сцену, в седьмом ряду, крайнее справа, но к своему неудовольствию обнаружила, что её кресло занято драматургом из Москвы. Он, всё-таки, передумал, решил посмотреть репетицию. Удобно устроившись, положив ногу на ногу, он смотрел на сцену и отхлёбывал из бутылочки со сладкой газированной водой.

Ещё бы чипсы принёс.

Людмила Алексеевна остановилась в проходе, не зная, как поступить. Просить пересесть было глупо. Четыреста девяносто три места из пятисот двух было свободно.

На сцене гремела музыка. Компания хулиганов – главных злодеев пьесы синхронно размахивала руками и широко расставляла ноги. Главный режиссёр любил танцы в стиле «Юноны

и Авось». В труппе это называли «захаровщиной». Подобные пляски украшали почти каждый спектакль театра. Даже «Три сестры».

Главный крикнул. Музыка остановилась. Артисты стояли на сцене и слушали замечания, переминаясь с ноги на ногу, как лошади.

Завлит решительно подошла к драматургу и встала возле него. Миша посмотрел на Людмилу Алексеевну снизу вверх, тут же вскочил и пересел на соседнее место. Людмиле Алексеевне эта торопливость понравилась. Она с удовольствием устроилась в своём кресле.

На сцене артист Зотов играл желваками, сверлил драматическим взглядом амфитеатр. У зрительниц за пятьдесят от этого взгляда немели ноги. Однако на молодого драматурга из Москвы игра Зотова не произвела впечатления. Миша некоторое время смотрел на сцену, затем с улыбкой повернулся в её сторону:

– А это кто?

Людмила Алексеевна набрала воздух и торжественно произнесла:

– Народный артист России, лауреат премии губернатора «Хрустальное дело» Валентин Зотов.

– По-моему, он сейчас лопнет.

Людмила Алексеевна не нашлась, что сказать, кроме как:

– Его очень любят наши зрители.

– Понятно.

Это «понятно» просто вывело Людмилу Алексеевну из себя:

– А у вас в пьесе нет финала. И это не только моё мнение.

На сцене грохнула музыка.

– Что?

Он сделал вид, что не расслышал.

После репетиции Людмила Алексеевна отправилась в библиотеку к своей доброй подруге Виане.

В таком спокойном месте, как библиотека Виану охватывала паника как минимум трижды в день. Она хронически ничего не успевала и постоянно всё теряла. Однажды она потеряла двухметровый торшер.

Можно было точно сказать, что Виана сидела на своём месте. Читать ей не нравилось, но она по-настоящему любила книги. Всё равно, что иной матери не обязательно вести с ребёнком долгие беседы, чтобы любить его от всего сердца.

Людмила Алексеевна приходила к Виане поговорить о падении русской культуры. Пока она говорила, Виана занималась своими делами, и могла не смотреть на подругу, но Людмила Алексеевна знала, Виана её внимательно слушает. Умела Виана и поддакивать.

В этот раз, жалуясь на драматурга из Москвы и на его бездарную пьесу Людмила Алексеевна была особенно красноречива:

– ...приезжает эдакий наглый, самодовольный молодчик от драматургии и начинает смеяться над авторитетами...

Людмила Алексеевна, когда нервничала, говорила тише, чем обычно, безупречно строя предложения. Её русскому языку можно было позавидовать.

Виана переставляла книги, слушала Людмилу Алексеевну, но не сопереживала, а только хихикала. Она стояла спиной к Людмиле Алексеевне и её попа, обтянутая штанами из подобия обивочного материала напоминала диванную подушку. Людмила Алексеевна начала раздражаться:

– Ты ничего не понимаешь в театре, – заявила она Виане.

– Ага, не понимаю, – сказала Виана лукаво, и снова хихикнула, – И в драматургах ничего не понимаю, молоденьких.

Как могут дружить люди, стоящие на разных ступенях развития?

Людмила Алексеевна ушла, холодно попрощавшись с подругой, что, кстати, рассмешило Виану ещё больше.

На улице Людмила Алексеевна часто здоровалась с собаками. Она просила вежливо разрешения у хозяев, мол, можно я с вашей собачкой поговорю, потом нагибалась к животному и ласково с ним разговаривала:

– Ну кто у нас здесь такая прелесть? Кто у нас умная и красивая? Ну, здравствуй, весёлая мордочка... И так далее и тому подобное.

Вот и сейчас ей встретилась симпатичная пожилая лайка, с которой она беседовала под пристальным взглядом хозяина.

Парикмахер молча наблюдала, как Людмила Алексеевна разматывала волосы, уложенные в пучок. Волосы были тонкими, и в пучке их уместилось много. Они упали на спину, и концы их, покачиваясь, остановились ниже лопаток. Людмила Алексеевна не стригла их со времён развода, только расчёсывала.

– Точно отрезать? – спросила парикмахер, – Не жалко?

Людмила Алексеевна рассматривая своё отражение в зеркале, ответила не сразу:

– Отрежьте. И причёску сделайте.

– Какую?

– Модную, пожалуйста.

Парикмахер достала перекись водорода и плавательную шапочку с рваными дырками. Модные причёски делались у них по старинке.

На служебном входе театра артист Кудрявцев разговаривал с вахтёром. Двумя локтями он упёрся в стол, с каждым словом приближая к собеседнице своё красное, усатое лицо.

– Она умерла, понимаешь? Марусечка моя.

Жена Кудрявцева умерла почти два года назад. С тех пор он постоянно рассказывал об этом. Сначала люди сочувствовали ему, жалели, потом привыкли, а со временем усопшая стала сильно всех раздражать.

– Отстань, – сказала вахтёр спокойно. – Домой иди.

– Я ходил, – отвечал ей Кудрявцев серьёзно, – Там ещё хуже.

Мимо вахты неторопливо прошла Людмила Алексеевна с причёской в стиле восьмидесятых: прямой пробор, белые мелированные перья, волосы как два крыла залитых лаком.

– Добрый вечер, – вежливость Людмила Алексеевна почитала выше прочих добродетелей.

Кудрявцев, устало мотнул лохматой головой, мол, здрасте вам.

– Завлитша, – сказал он безо всякого выражения.

– Что это с ней? – удивилась вахтёр.

– А что такое? – Кудрявцев, как нормальный мужчина ничего не заметил.

Людмила Алексеевна уверено шла по коридору третьего этажа. Каблуки цокали по кафельному полу.

Время от времени она замечала, что сутулится, и выпрямлялась. Но ненадолго. Она повернула за угол и увидела, что дверь её кабинета открыта. От возмущения у завлита заложил нос.

Войдя, Людмила Алексеевна обнаружила, что драматург Миша устроился в её кресле. Опять. Сел прямо на тёплый платок, который она специально принесла из дома. Никто в театре ещё не садился в её кресло. Людмила Алексеевна недовольно прищурилась, но Миша, при её появлении сразу вскочил, ударился коленкой об стол и сел обратно. Развёл руками, мол, простите, вот такой я неуклюжий.

Пускай сидит, решила Людмила Алексеевна и жестом успокоила Мишу.

Он, всё-таки, хороший.

Завлит улыбнулась драматургу, слегка, чтобы не баловать. Но вдруг неприятный женский голос произнёс:

– Выйдите отсюда. Мы работаем!

– Это вы мне говорите? – спросила Людмила Алексеевна, оборачиваясь.

– Вам, конечно.

Перед завлитом стояла маленькая брюнетка с зелёными глазами. Шерсть на её кофте топорила, как иголки у ежа. Людмила Алексеевна смерила девушку взглядом. Она была ей не соперница.

– Что вы делаете в моём кабинете?

Брюнетка не сбавила обороты. Ответила с вызовом, сохраняя на лице особенное выражение, словно она из последних сил сдерживает улыбку.

– Мне дали ключи на вахте. Я беру интервью, и вы нам мешаете.

Ах ты дрянь наглая.

– Меня никто об этом не предупредил. Михаил может остаться, а вас я не знаю. До свидания.

Брюнетка такого ответа не ожидала.

– Я из газеты «Водоканал».

Людмила Алексеевна молча расстёгивала пальто, неторопливо, пуговица за пуговицей, как хозяйка положения.

– Вам что, не нужен пиар? – спросила брюнетка.

– Такой. Не нужен.

Людмила Алексеевна знала что такое убийственная вежливость.

– Прошу простить, но у меня здесь ценные бумаги, договора, а с вахтёром, который выдаёт ключи кому не следует, поговорю.

Брюнетка покачала головой.

– Пойдёмте в фойе, – сказала она Мише.

– Хорошо, – ответил он кротко.

Когда они вышли Людмила Алексеевна хотела закрыть дверь, но решила не делать этого. Даже распахнула дверь ещё сильнее, так, чтобы та заняла половину коридора.

Пусть художник лопнет от злости

Затем она принялась открывать забитое гвоздями окно. Ей срочно нужен был свежий воздух. Рывок. Окно поддалось.

Сквозняк смахнул со стола бумаги. Дверь захлопнулась, словно кто-то выстрелил ей в спину.

Вахтёр разнёсла новость по всему театру:

– Завлитша-то замуж собралась.

По меткому выражению артиста Кудрявцева «Людмила себе свисток намундолила».

По коридору мимо кабинета начали ходить артисты и заглядывать в открытую дверь. Людмила Алексеевна заметила, что за ней наблюдают, и выдвинула стол вперёд, чтобы хорошенько рассмотрели.

Количество визитёров резко увеличилось. Даже художник пришёл посмотреть на Людмилу Алексеевну.

Нервно мигая, с чёрной чёлкой, разделяющей лицо на две половины, он встал в дверном проёме, а потом постучал по косяку узловатыми пальцами.

– Что вам угодно? – спросила Людмила Алексеевна.

Художник замычал, запыхтел, сказал, что он за степлером, степлера не взял и вышел.

Людмила Алексеевна почувствовала себя так хорошо, что у неё запершило в горле. Она закашлялась, элегантно прикрыв рот ладонью.

Премьеру назначили на следующий день. А этим вечером Людмила Алексеевна была приглашена в кабинет Главного, на ужин для своих: Главный, драматург, художник, директор Камиль Маратович и она. Это было и неожиданно, и как-то в порядке вещей. Словно начал сбываться давно заготовленный план, по исправлению её жизни. Она стала элитой театра. И всё произошло как-то само собой.

В кабинете секретарша Главного выключила верхний свет, и ужин проходил при яркой настольной лампе с красным абажуром.

При полусвете члены руководства казались очень приятными людьми.

Выяснилось, что Миша умеет петь песни. Голос у него был сильный, а манера подачи необычная. Он с фальшивым усилением брал самые высокие ноты, и неожиданно обрывал их, делая звуком запятые в воздухе. И слушатель никогда не ожидал этого.

Людмила Алексеевна сидела в сторонке, и слушала Мишино пение, с замиранием сердца. Разглядывала гитарную деку, чтобы не встретиться с Мишей взглядом.

А утром она обнаружила молодого драматурга у себя в кабинете. Он спал на её диванчике. Пьесы графоманов были скинуты на пол, стопки расплзлись веером. У спящего было серьёзное лицо, словно он с плотно закрытыми глазами выслушивал важные новости.

Окно было распахнуто настежь, в морозном воздухе висел запах алкоголя, лёгкий и приятный

Людмила Алексеевна посмотрела на Мишу и задала себе классический вопрос:

Будить или не будить?

Но Миша проснулся сам. Резко, словно по приказу. Сел и сразу заговорил деловым тоном, подробно объясняя, почему он здесь оказался, словно и не спал секунду назад. Он перешёл сюда из комнатки за сценой, куда поселил его экономный Камиль Маратович.

– Я не мог там спать, – говорил он, сидя на диванчике и разминая шею, – Там нет окон. Там фотообои по стенам, берёзки. И душно очень. Я пошёл вниз, взял ключ. А здесь у вас свежо, окно открыто. Извините.

– Ничего страшного.

– Да? – Миша улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, – А я боялся, вы ругаться будете.

Людмила Алексеевна поняла, что пропала.

В столовой буфетчица сказала Людмиле Алексеевне, что драматург вместе с артистом Зверевым, исполнявшего в спектакле роль хулигана всю ночь ездил по саунам и другим значным местам. Она почувствовала себя нехорошо, сжала губы почти что в точку и промолчала.

– Зверев пистон от жены получил уже, – сообщила буфетчица.

Людмилу Алексеевну мало тревожила судьба Зверева. С одинокой тарелкой на подносе она отошла от стойки. Сидела после за столом с абсолютно прямой спиной и переживала предательство. Рисовая каша на молоке осталась нетронутой.

Кому можно верить?

Когда артисты театра репетировали пьесу, они на время репетиций начинали разговаривать репликами из спектакля. Людмиле Алексеевне эта манера не нравилась.

Неужели нельзя найти своих слов?

Но теперь она сама шагала по коридору и еле слышно повторяла реплику из какой-то французской комедии: «Ангельская внешность, чёрная душа; ангельская внешность, чёрная душа; ангельская внешность, чёрная душа; ангельская внешность, чёрная душа...» и так бесконечно.

Людмила Алексеевна внезапно остановилась, не дойдя до кабинета.

Ангельская внешность, чёрная душа... Что за ерунда?

И, правда, подумала она, кому можно верить? Неопрятной бабе-буфетчице, интриганке и сплетнице?

Когда Людмила Алексеевна улыбалась, она становилась беззащитной и выглядела старше своих лет. Улыбалась Людмила Алексеевна редко, и улыбки своей стеснялась. Но в коридоре она была одна.

Внезапно молодой голос произнёс:

– Людмила Алексеевна.

Завлит стала строгой.

– Как вы себя чувствуете?

– Честно говоря, не очень. Хотел сходить музей Иванова. Я же успею?

– Конечно, – оживилась Людмила Алексеевна, – До премьеры ещё масса времени.

Хотите, я вас провожу?

«Что я делаю?» – подумала она.

Вышли на улицу.

Драматург Миша, несмотря на похмелье, держался молодцом.

– Вот здесь я тогда свалился, – сказал он, показывая пальцем на длинную полосу льда.

По дороге Миша улыбался, старался не дышать в её сторону, и голову нес осторожно, поворачивал её к собеседнику медленно и печально, и это было очень заметно.

Пьяных Людмила Алексеевна по роду службы видела чаще, нежели трезвых. Привыкла к ним, не осуждала, приводила в чувство и сажала в такси.

Но Мишино пьянство её сильно расстроило. Она подумала, что зря он связался с театром. Такой молодой, неопытный. Это ему навредит. С годами раздастся в поясе, покраснеет, оплывёт лицом, отрастит бороду, наденет очки и станет записным драмаделом, пропитым и циничным. И будет сочинять обязательно про деревню. Такие только про деревню пишут. Людмиле Алексеевне очень не хотелось подобного будущего для Миши.

Она предложила ему таблетку от головной боли. Миша взял сразу две, разжевал их тут же, на морозе, не запивая. Через какое-то время, слава Богу, повеселел, начал жестикулировать.

По дороге в музей артиста Иванова им встретился мужчина, ведущий на поводке сутулую и жизнерадостную собаку. Людмила Алексеевна поздоровалась с собакой, как это она обычно делала, сказала животному несколько тёплых слов и пошла дальше.

– А с хозяином вы почему не поговорили? – вдруг спросил Миша.

– Что? – не поняла Людмила Алексеевна.

– То есть, вы к животному, как к человеку обращаетесь, а хозяина её даже не замечаете. Так?

Людмила Алексеевна только теперь поняла, что на неё нападают.

– Мы с ним не знакомы. А чем вы, собственно, недовольны?

– Выходит так, что люди вашего внимания недостойны.

Миша смотрел ей прямо в глаза, и она не могла разобрать, шутит он или нет.

Видимо, прошла голова.

– Перестаньте, – сказала она, – Я общаюсь с теми, с кем считаю нужным.

Миша в ответ театрально хмыкнул, видимо, не зная, что ещё сказать.

Зря я ему дала таблетку. Только злой стал.

В музее Миша предложил ей взять его под руку. Просто подставил свою руку колючком. Она оперлась, и Миша повёл её по залам. Старинная мебель, тусклые зеркала на стенах, скрипучий паркет. Людмиле Алексеевне ненадолго показалось, что её ведут на бал, что сейчас откроются невысокие двустворчатые двери, и их встретит шумная толпа. Мужчины с интересом посмотрят на неё, а женщины специально отвернуться и станут ей завидовать, нервно обмахиваясь веерами.

– Девушка, – послышался грубый голос музейной работницы, – за ленточки заходить нельзя.

– Извините, – сказала Людмила Алексеевна и расплылась в улыбке.

Девушка! Девушка! Девушка!

По дороге в театр, она улыбалась без стеснения.

Спектакль получился с размахом. Зрители увидели настоящий каток, по которому дергались цветные пятна. Для местного зрителя это было ново. Раздались аплодисменты. Артисты забегали, закричали. Действие началось.

Драматург попросил себе место с края, возле прохода, словно собирался сбежать с собственной постановки. Вскоре, после начала, он достал фотоаппарат и принялся делать снимки, ослепляя вспышкой артистов и зрителей.

Главный заметил вспышки и послал Людмилу Алексеевну к Мише сказать, чтобы тот убрал фотокамеру. Она подчинилась. Пошла, согнувшись в три погибели, а потом и вовсе передвигаясь на корточках, чтобы не мешать зрителям. Добралась и тронула Мишу за плечо. Он смешно дёрнулся, испугавшись, и обернулся. Увидев её, тепло улыбнулся. Людмила Алексеевна, сидевшая на корточках, покачнулась и чуть не завалилась назад. Миша вовремя схватил её за руку и так и не отпустил в течение всего разговора.

– Снимать нельзя.

– Что? – переспросил Миша.

– Фотографировать нельзя.

– Почему?

– Это запрещено.

– А почему? – не унимался Миша.

– Главный не разрешает, – сказала Людмила Алексеевна громко, практически, рывкнула. Да так, что зрители слева от Миши обернулись и посмотрели на завлита неодобрительно, как умеют смотреть только в провинции.

Людмиле Алексеевне показалось, что Миша расстроен, обижен приказом Главного, но вида он не подал, отчего она сама расстроилась, почувствовала, что она во всём виновата. Миша, отпустив её руку, аккуратно убрал фотокамеру в чехольчик, а чехольчик пристегнул к поясу. Ни слова ей не сказав, он отвернулся и стал смотреть на сцену. Людмила Алексеевна посидела немного на корточках из вежливости возле его кресла, и утиным шагом пошла к выходу.

В предпоследнем ряду партера, на приставном стуле, сидела та самая брюнетка-корреспондент. Она бросила на Людмилу Алексеевну насмешливый взгляд. Завлит быстро встала и мило улыбнулась наглой девушке.

Покинув зал, Людмила Алексеевна направилась к билетёрше.

– Почему у вас зрители посреди прохода сидят?

– Так аншлаг, просили стульчик.

– Вот директору будете это потом объяснять. Вы спектакль срываете. У артистов половина выходов через зал.

Билетёрша побежала освобождать проход.

Во время антракта, как правило, Людмила Алексеевна ходила в мужской туалет и выгоняла оттуда курящих школьников. Это была её обязанность. Однажды её попросил об этом директор Камиль Маратович, и с тех пор это стало её обязанностью.

Школьники тихо матерились, бросали сигареты в унитазы и шли досматривать постановку. А Людмила Алексеевна чувствовала себя нужной.

Распахнув дверь туалета, Людмила Алексеевна по-хозяйски вошла в уборную. Драматург Миша стоял с сигаретой в руке. Он испугался её появления не меньше подростков, ибо вид Людмила Алексеевна имела решительный.

– Извините, – сказала Людмила Алексеевна, остановившись.

– Это вы меня извините, – сказал Миша.

– У вас сигарета упала.

Миша улыбнулся.

– Это я её выбросил. По школьной привычке, знаете.

Миша тихо засмеялся и потрянул головой.

– Голова всё ещё болит?

– Я нервничаю, – сказал драматург, – У гардероба сейчас дежурил. Смотрел, как зрители уходят.

– Не стоит переживать.

– Не могу. Как будто экзамен сдаю.

У Людмилы Алексеевны защипало глаза, то ли от чувств, то ли от хлорки.

– Там ещё несколько человек стояли, с номерками, когда я уходил.

– Они просто выйдут покурить и вернуться.

– Вы уверены?

– Конечно. Не волнуйтесь. Спектакль публике нравится. Она живо реагирует. Хлопает.

Людмила Алексеевна хотела положить Мише руку на плечо, но передумала и ещё раз повторила:

– Не волнуйтесь.

– Ладно. Не буду, – улыбнулся Миша.

Когда они выходили из туалета, увидели зрителей, выстроившихся в очередь. Людмила Алексеевна услышала, как отец сказал своему долговязому сыну:

– Хрен мы с тобой в театр ещё пойдём.

Второй акт Людмила Алексеевна смотрела, сидя на балконе. После начала действия, она загнала двух задумчивых подростков обратно в зал, а сама поднялась наверх.

Спектакль шёл своим чередом, а она смотрела на сцену, но занята была своими мыслями. Людмила Алексеевна впервые подумала о своём бывшем муже без сочувствия. Только сейчас в ней созрело и определилось презрение к этому бесполезному и недалёкому человеку. И хотя она всегда говорила ему, что считаться нехорошо, ей сейчас захотелось посчитаться.

Он был виноват во всём, а не она. Только он. Ну, может быть, ещё виновата его мама.

Муж-актёр – это кентавр. Половина говорит человеческим голосом, а вторая половина больно лягается. Когда она жила с ним, театр был везде, повсюду. Границы театра, словно, расширились, и она просыпалась сразу в театре. А он, кстати, поначалу с ней расцвёл. Роль Горацио ему дали. Она же ходила, словно в дурном сне, и успокаивала его, успокаивала, успокаивала его без конца. Ну и ещё, конечно, хвалила.

А он всё равно спился и вернулся к маме в Москву. Переехав, он, кстати, сразу бросил водку, словно и не было этих пьяных лет. Мама, значит, лучше. Бывшую свекровь и вспоминать не хотелось. Двухметровая женщина-гранадёр с манерами киношной Золушки.

Людмила Алексеевна отвлеклась от своих мыслей, потому что заметила, что в зале установилась тишина. Публика смотрела на сцену. Там главный герой держал свою любимую на руках. Только что любимая умерла, сбита грузовиком, и ноги любимой грустно свисали под тяжестью роликов.

Мгновение и зал взорвался аплодисментами. Любимая на руках у главного героя ожила и широко улыбнулась.

Это был совершенный успех. Зрители молодые и старые вставали, продолжая сильно хлопать в ладоши, словно соревнуясь друг с другом.

Артисты на сцене покраснели от удовольствия. Они выходили кланяться бесчисленное количество раз, и решили уже не бегать туда-сюда, а остановились на авансцене и актрисы зажимали рты руками, словно хотели плакать и сдерживались из последних сил.

Появился Главный. Он встал в центре сцены и слегка расставил руки в стороны, как победитель, прощающий толпу за её недостойное поведение. После он жестом позвал Мишу.

Людмила Алексеевна бросилась к краю балкона и проследила весь путь драматурга от места до сцены.

Миша неумело поклонился, шурясь от яркого света, и с пояса у него упал фотоаппарат. Зрители засмеялись. Людмила Алексеевна шёпотом назвала публику «дураками» и принялась рукоплескать, стараясь не попадать в ритм хлопков большинства. Это увлекло её, и она в первый раз в жизни, непроизвольно крикнула «Браво». Её неожиданно низкий голос на секунду заглушил остальные крики восторга.

Людмила Алексеевна быстро шла по фойе, глазами отыскивая Мишу. Она хотела поздравить его с премьерой, и вручить букет. Деньги на цветы дал директор, но можно было об этом Михаилу не говорить. Просто подарить и... Людмила Алексеевна потом хотела позвать Мишу к себе в кабинет. Выпить, может быть, чаю. А после, как пойдёт.

Для начала она приготовила небольшую речь, которая начиналась со слов: «Что ни говори, а современная пьеса имеет своих поклонников...»

Она увидела Мишу издалека. Драматург подписывал злобной брюнетке-корреспондентке программку. Получив автограф, та быстро встала на цыпочки и поцеловала Мишу в щёку очень близко к губам.

Людмила Алексеевна остановилась. Букет в её руке перевернулся и повис бутонами вниз.

Брюнетка засмеялась. Смех громкий и раздражающий не подходил ей. Хах-хах-хах... Смех был натужный, мужской, наглый. Хах...

Людмила Алексеевна развернулась и решительно пошла в обратную сторону. Миша догнал её.

– Вот вам букет, – холодно сказала Людмила Алексеевна, остановившись.

– Спасибо.

– Не за что. Это не от меня. Дирекция просила купить. Я могу идти?

Миша понял её строгость по-своему.

– Вам не понравился спектакль?

– Ни в этом дело.

Драматург не поверил, он расстроился, уголки глаз опустились вниз, как у грустного бульдожки. Видя это, Людмиле Алексеевне захотелось говорить ему только хорошее:

– Мне очень понравилось.

– Правда?

– Конечно. Вы же знаете, главное не «как», а «что», и вы сделали самое главное, – Людмила Алексеевна поправила причёску, – Вы рассказали о любви, пусть несовершенным, своим языком, но суть от этого не меняется. Какой бы не был человек, старый, молодой, умный, глупый, если его любят. Он сразу это почувствует. Это прекрасно то, что вы написали.

Миша, в порыве чувств, бросился к завлиту, крепко обнял и поцеловал её в обе щёки. Для Людмилы Алексеевны в этот момент остановилось время, она словно оказалась в безвоздушном пространстве. Родной театр, как огромная ракета, рывком оторвался от земли, и набрал бешенную скорость, а она зависла в невесомости, переживая краткий миг абсолютного счастья и восторга.

На капустник и банкет Людмила Алексеевна надела особенные серёжки, в форме колец. Кольца касались плеч. В них она себе очень нравилась. Удачно, что дырочки в ушах не успели зарости.

Капустники играли в репетиционном зале.

Сначала всегда брал слово главный режиссёр. Так было и в этот раз. Смешную речь он подготовил заранее. Состояла она из многозначительных намёков, которых труппа не понимала, но усердно смеялась.

После молодые артисты, мужчины, те, кто играл в пьесе «Сердце на роликах», выскочили на сцену в огромных подгузниках. Номер назывался «Младенцы на прогулке». Дрались погрешками, угукали, а под конец хором разревелись.

Людмила Алексеевна веселилась от души, хотя видела эту миниатюру не один раз. Драматург из Москвы сидел рядом, она чувствовала это.

Когда младенцы начали стучаться лбами, Людмила Алексеевна непроизвольно хрюкнула от смеха и быстро прикрыла рот рукой.

После Артист Кудрявцев и Зотов спели под гитару песню о театре. Далее Зотов остался на сцене и читал Ивана Бунина, следом за ним выступила актриса-травести Крапекина с отрывком из «Маленького принца» и на глазах у неё появились привычные слёзы.

Директор Камиль Маратович уснул в кресле, как это бывало на всех капустниках, и его разбудил один из выступавших, что привычно рассмешило всех присутствующих. И всё было, как обычно, знакомые номера и шутки, семейная атмосфера. А потом показали её.

Артист Зверев вбежал на сцену в женском платье и начал кривляться. Людмила Алексеевна поначалу ничего не поняла.

Что это за женщина в дурацком парике и с нервным тиком?

Зверев, поправляя накладной бюст, отыскал в зале драматурга Мишу и начал строить ему глазки. Миша стал подыгрывать Звереву. Даже поцеловал тому ручку.

Труппа смеялась дружно и громко. Повернув головы, бросали взгляды на Людмилу Алексеевну, мол, интересно, как она реагирует. Прототип был в шоке. Миша повернулся и встретился с Людмилой Алексеевной взглядом. Он приподнял брови, пожал плечами, как бы говоря, что поделаешь, такие вот глупые шутки. Для Людмилы Алексеевны этого человека больше не существовало.

Она хотела кинуться прочь из зала, но заставила себя досидеть до конца капустника. В глазах двоилось и троилось, она смагивала слёзы, которые снова появлялись, и она опять, рывками вдыхая в себя воздух, одной силой воли, пыталась прекратить предательский плач.

Как же может быть больно человеку. Животное от такой боли крутится волчком, визжит, бросается на своих, бежит незнамо куда, сломя голову. А человек сидит и смотрит представление в компании мучителей и даже иногда улыбается.

Всё закончилось около двенадцати ночи. На улице медленно падал снег. Площадь перед театром словно заросла белым мхом. Редкие чёрные фигуры проходили мимо по дорожкам, но никак не могли почему-то скрыться за поворотом, словно шагали на месте.

Людмила Алексеевна постояла под козырьком служебного подъезда, сделала шаг, второй, и поскользнулась на чёрной полоске льда. Она резко всплеснула руками, как делала, когда чем-то восхищалась, и тяжело упала на лёд.

Людмила Алексеевна сломала ногу. Пролежала дома до начала весны. Выздоровела. В театр на работу больше не пошла.

Трудовую книжку за неё забрала Виана.

А в начале мая Людмила Алексеевна купила себе собаку.

Спектакль «Сердце на роликах» с успехом шёл два сезона и был снят, потому что исполнители главных ролей перестали ходить на подростков.

ПОЖАР

Тимур и Лия не разговаривали с самого утра. Лия как бы обижалась, что Зауров не закрыл дверь, и в дом вбежала собака. Но на самом деле, её не устраивало поведение сожителя. Он не работал последние три месяца. Сначала у него болела спина, и он лежал. Потом спина прошла, а он продолжал целыми днями лежать с отключенной электрогитарой в руках. Это, конечно, было не дело.

Сказать напрямую Лия не могла. Во-первых, это было бесполезно, а во-вторых, дом принадлежал Заурову, и он ей нравился. В смысле, Зауров. У него были длинные волосы и длинные музыкальные пальцы. Хотя и дом был тоже хороший. Но недостроенный. Большой и бестолковый. Можно было открыть дверь, шагнуть на веранду и упасть в котлован со строительным мусором. От лестниц по коврам тянулись известковые следы, а в ванной комнате хранили продукты, такой она была холодной.

Первой не выдержала Лия. С недовольным лицом встала на пороге большой комнаты. Тимур на неё даже не посмотрел.

– Крыльцо обваливается. Скоро ходить нельзя будет.

– Отстань от меня, а.

У Лии от обиды защипало щёки. Пришла пора плакать.

– Почему ты меня обижаешь всё время? – легко потекли слёзы.

Зауров тяжело вздохнул:

– У меня плохое настроение. Не трогай меня.

– А у меня, значит, хорошее, да? Хорошее? – предчувствие громкого скандала придавало ей сил.

– Отвали, – сказал Зауров негромко и прикрыл глаза.

В такие моменты у молчаливой Лии развязывался язык, появлялось несвойственное ей красноречие. Она заговорила, трагически повышая голос. Речь свою она перебивала риторическими вопросами:

– ...Что? Хочешь, чтобы я ушла? Хочешь?..

Зауров тяжело заёрзал на диване и отвернулся к стене. Вдохновение покинуло Лию, ругаться расхотелось, осталась только горячая обида. Уходя, она, конечно, хлопнула бы дверь, если бы та закрывалась до конца.

В одном свитере Лия вышла на дорогу, закрыв перед собачей мордой калитку. Идти смысл был только в одну сторону, к магазину. Их дом, похожий на полуразрушенный зуб торчал на самом краю посёлка. Дальше бескрайняя грязь.

Мимо Лии проехал сосед на велосипеде.

– Пожар, слышали.

– Что? – Лия отвлеклась от грустных мыслей.

Сосед затормозил:

– Дом горит с петухами...

Тимур полежал некоторое время, потрогал усы, которые он недавно начал отращивать и остался недоволен. Усы росли медленно. Так же расстраивало, что рок-звездой он так и не стал.

На пороге появилась Лия. Известие переполняло её, однако следовало сохранить лицо.

– Пожар, – сказала она, как бы между прочим.

Зауров живо обернулся. Но после сообразил, что суетиться ему не пристало, и повернул волосатую голову обратно к стене, чутко прислушиваясь к тому, что делает Лия.

А Лия снимала с вешалки ватник.

– Пойду, посмотрю, – сказала она, как бы ни к кому не обращаясь.

Зауров вскочил, сунул худые ноги в обрезанные сапоги. Гитара осталась лежать на диване.

К месту пожара Зауров и Лия шли, как чужие люди. За руки не держались. Друг на друга не смотрели. Тимур дышал тяжело, и Лия подумала, не заболел ли. Потом решила, курит много, и не за что его жалеть.

Посмотреть на пожар торопились не только они. Жители посёлка выходили из домов, улыбаясь друг другу и здороваясь.

Вскоре главная улица дачного посёлка стала походить на выставку тренировочных штанов. Тренировочные штаны разных расцветок и различной степени поношенности.

Одна из дачных мам катила коляску с ребенком.

Лия и Тимур, попав в толпу любопытных, придвинулись друг к другу и шли уже плечо к плечу.

Дом с двумя петухами на гребне крыше и вправду горел. И смотреть на это было страшно. Пламя было упругим, сильным. Оно выедало изнутри крышу и одну из стен. Черная рваная дыра росла, и скоро уже в нее провалились два окна с наличниками, любовно выпиленными лобзиком.

Когда ветер подул в их сторону зевак, понесло пепел – мелкие серые плёночки. Тимур почувствовал нешуточный шар. Сам шагнул назад, и Лию взял за руку, отвел. Лия не сопротивлялась.

Лопнуло стекло. Народ вздохнул хором. Все отступили еще на шаг назад, хотя до пламени было далеко.

Лопнуло еще одно стекло. Дачные жители вытащили мобильные телефоны и начали снимать.

Лия увидела владельца. Пенсионер со взъерошенными седыми волосами поливал водой «Жигули», стоящие неподалеку от дома. Ведра ему подносили сердобольные мужики. Потом они же помогли откатить машину на безопасное расстояние. Хозяин открыл им ворота, а после так и сел у одной из створок, схватившись за голову руками. Сел, словно кто-то ударил его под коленки.

К нему подходили люди, успокаивали, а он только руками отмахивался. Чуть позже его отвели под руки в сторону.

Вскоре пламя выросло, пошло в небо столбом, и дым поменял цвет, сделался черным, густым. Трещали доски, взрывались внутри дома стеклянные банки.

Тимур, глядя на огонь, думал, что его дом так никогда не загорится, потому что кирпичный.

– Пожарных вызвали? – спросила Лия соседку.

– Едут, – ответила соседка. Она, не переставая, щелкала семечки.

Прибежала собака Жозефина. Села на попу, вывалила язык и тоже стала смотреть на пожар.

– Ты не закрыл? – спросила Лия.

– Я не закрыл, – согласился Тимур.

Но Лия не обиделась.

Приехали пожарные. Бегали вокруг своей машины, долго разматывали шланг. Вода не текла. Потом, вроде, пошла с перерывами. Но дом было уже не спасти.

Люди начали расходиться. Старались не смотреть на хозяина. И он никого не замечал, сидел в своих «Жигулях» и через стекло смотрел на пепелище. Запахло гарью, хоть нос зажимай. Струйки черной воды стекали к дороге.

– Кошмар, правда.

– Говорят, курил в доме.

– А мне сказали, проводка.

– Бедный, правда.

Тимур кивнул. Возвращались домой, обнявшись. Лия попросила у Заурова куртку, хотя ей не было холодно. Собака бежала за ними по пятам.

Возле открытой настежь калитки Лия притянула Заурова к себе.

Целовались долго, как в кино.

КОРОТКАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Игорь Дмитриевич и Оксана Николаевна страшно поссорились накануне Рождества и улеглись спать в разных комнатах. Это было нечто исключительное. За двадцать лет совместной жизни они спали врозь раз десять, не больше.

Игорь Дмитриевич расположился в детской, на кровати дочери с тремя старыми плюшевыми мишками у изголовья.

Спалось ему плохо. Ворочался и вспоминал детали ссоры, все больше убеждаясь, что он был прав.

В два часа ночи Игорь Дмитриевич отправился по нужде. Дверь туалета была закрыта. Из щели снизу горел свет.

Игорь Дмитриевич подергал ручку:

– Кто там?

Вопрос не имел смысла. В квартире они с женой были вдвоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.